

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

ИНСТАНЦИЯ БУКВЫ В БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ И ГЕРМЕНЕВТИКА ПСИХИЧЕСКОГО (МЕТАФИЗИКА ПСИХОЛОГИИ). ОЧЕРК ПЕРВЫЙ

На границе сознательного и бессознательного, естественного и искусственного, человеческого и постчеловеческого, вопросы метафизики психологии приобретают особую актуальность и злободневность. Быть или не быть? Это уже не частное, а всеобщее или всечеловеческое или всеединое. Оттого, насколько элита мирового истеблишмента сумеет это осознать – зависит судьба земной человеческой цивилизации. Очерк первый настоящего цикла, выражает субъективную точку зрения автора на отдельные аспекты психоанализа и герменевтики психического.

Ключевые слова: психоанализ, бессознательное, герменевтика, метафизика психологии, Жак Лакан, искусственный интеллект

1. Вместо введения

1.1. «Проблема смысла... - это последнее аналитическое понятие, включающее общее учение о психике, также как понятие личности венчает всю систему психологии» А.Н. Леонтьев [24 цит. по 37].

1.1.1. Проблема смысла, на мой субъективный взгляд, одна из центральных проблем метафизики психологии. Понятие личности – главная опора субъективной реальности сознания, определяющая весь смысл жизненной траектории бытия субъекта. По-существу, в этом высказывании А.Н. Леонтьева выражена основная идея психического человеческого или ядро метафизики современной психологии.

В отношении смысла, как в науке, так и в философии, существуют очень несовпадающие между собой концепции и теории понимания. Иногда смысл сводят к традиционной логике, либо к семиотике. Часто его пытаются объяснить в сочетании «смысл и значение».

Отталкиваясь от элементарного определения: «Смысл – сущность, содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом» [35], где мы сразу наталкиваемся на ограничение смысла разумом, что является и редукцией и предельной рационализацией, ведущей к полной формализации понятия и его содержания, мы переходим к более сложным определениям: «Смысл и

значение – понятия, задающие разные формы осуществления основной языковой связи «знак – означаемое» в процессах понимания и в системе языка. ... Смыслы в отличие от значений всегда ситуативны, связаны с феноменальным процессом понимания, поэтому помимо нормативного содержания значения, они определяются множеством иных факторов: ситуацией, с которой связано понимание, самоопределением человека, его установками, ценностями и целями, знаниями, структурами деятельности и многим другим» [3].

В философии постмодерна любой смысл легко и изящно может быть переведен в бессмыслицу, означаемую истинным смыслом, утверждающим симулятивное значение.

Технологии искусственного интеллекта реализуют колоссальный потенциал трансформации и искажения многих традиционных гуманитарных смыслов, ориентированных в итоге на полное упразднение понятия личности, как малозначимой и несущественной для развития разума и рациональности.

1.2. «Общее устройство мира детерминирует в конечном счете всё в человеке. Не человек проецируется на мир, а мир отражается в человеке» Н.Гартман [цит. по 18].

1.2.1. Выше процитированное утверждение Николая Гартмана видится мной как основная формула определения современной реальности, ориентированной на грядущую аннигиляцию всего личного и субъективного в человеке, ставшем полным заложником искусственного и рационального.

1.3. «Дуализм языка и жизни не есть что-то специфически человеческое, а есть что-то сугубо объективно фактическое, которое ждет своего понимания, а не освоения как нового, неосвоенного инструмента или продукта человеческой деятельности» М.Мамардашвили, А.Пятигорский [30].

1.3.1. Дуализм языка и жизни может означать в настоящее время (2026 г.), что человеческая цивилизация устремилась в язык, как в высший смысл и

в высшую цель развития разума, не замечая того, что в итоге она жертвует жизнью во имя неизвестного и безразличного к земной жизни абстрактного разума.

1.4. «Всякая научная дискуссия о высших признаках появления рефлексии на Земле ныне стала невозможной, ибо здесь мы стоим перед проблемой одного из тех бесконечно малых эволюционных начал, которые автоматически и бесповоротно закрыты для нас достаточной толщей прошлого» Т.де Шарден [43].

1.4.1. Появление рефлексии на Земле – вовсе не бесконечно малое эволюционное начало, а решающий фактор развития земного разума. Современными научными исследованиями он вполне поддается адекватной реконструкции и интерпретации.

1.5. «Проблема поставленная вообще – это как вопрос, на разу не заданный по-настоящему... Каждый вопрос получает свой смысл от способа мотивации» Г.Г. Гадамер [13].

1.5.1. Способ мотивации – это самый загадочный элемент в данном высказывании Георга Гадамера. Скорее, вопрос получает свой смысл в результате не способа, а глубины мотивационной установки, от степени её долгодействия и осмысленной целеустремленности.

1.6. «Мысли каждого из нас принадлежат только нам самим; наши понятия мы разделяем с другими людьми» С.Тулмин [38].

1.6.1. Увы... Времена, когда наши мысли принадлежат нам самим уже прошли. И мысли наши, и наши понятия – это уже отчужденное от нас содержание искусственного интеллекта, пока еще локального, но очень скоро – всеобщего искусственного суперинтеллекта.

1.7. «Теоретически весьма вероятно создание технологии физического и семиотического воздействия на человека, косвенного скрытого сбора информации, а также манипулирования как отдельным человеком, так и группой людей с помощью знаковых систем» В.П. Самохвалов [33].

1.7.1. Такие технологии давно уже существуют и успешно применяются, с каждым днем все больше захватывая наше жизненное пространство.

1.8. «Уже в том, что посредством переописания мира, т.е., изменения языковой игры, истина превращается в заблуждение, а то, что считалось плохим может оказаться хорошим, и наоборот. При этом процесс смены лингвистических практик все ускоряется» Б.В. Марков [27].

1.8.1. Действительно, что вчера казалось глупой теорией постмодерна – сегодня стало нашей повседневной реальностью. Правда легко преобразуется в ложь, а ложь с еще большей степенью становится правдой. За всем за этим стоит наука и человеческая алчность, жажда к власти и к бесконечному потреблению.

1.9. «Любая самопоглощающая система, втянутая в тотальный сговор с самой собой, так что знаки в ней утрачивают всякий смысл, как раз по этой причине воздействует с редкостной заволаживающей силой. Системы заволаживают своим эзотеризмом, предохраняющим их от внешних логик. Когда самодостаточное и самоуничтожающееся нечто всасывает в себя все реальное – это заволаживает» Ж.Бодрийяр [5].

1.9.1. Логика абсурда и постмодерна устремлена к полному овладению миром человеческого бытия.

2. Мифология психоанализа.

2.1. Критике фрейдизма и экзистенциальной философии посвящены, вероятно, сотни, а может, и тысячи научных и околонучных публикаций. Поэтому я не буду пытаться выглядеть здесь оригиналом или первопроходцем, но попытаюсь кратко выразить свое субъективное видение.

2.2. Психоанализ З.Фрейда – уникальный феномен социальной и биологической жизни цивилизованного общества XX века, переживавший в век XXI и продолжающий свою экспансию в мировом социуме.

2.3. Подобного рода мистифицирование и мифологизирование теоретического творчества отдельного человека, заявляющего себя ученым-

исследователем – мировая человеческая история не знала не до, не после З.Фрейда. С мифом фрейдовского психоанализа может только конкурировать миф универсального ученого физика (математика, философа, психолога и т.д.) Альберта Эйнштейна. Оба мифа имеют отдельные схожие черты, но миф Фрейда более реалистичный (З.Фрейд действительно творил сам, хотя о многих заимствованиях скромно умалчивал) и более действенный в жизни многих тысяч и, возможно, миллионов людей в разных странах мира.

2.4. Ниже я привожу отдельные фрагменты оценки психоанализа, высказанные советским российским философом А.М. Руткевичем.

2.4.1. «Фрейд отталкивался от естествознания XIX в., был воспитан в физиологической лаборатории».

2.4.2. «Значение неразрывно связано со знаками, они не зависят от индивидуального опыта. Знаки у Фрейда имеют заранее установленное значение. У Юнга символы многозначны (через конечное передается бесконечность смысла). ... Бессознательное говорит языком символов – хочет донести до сознания нечто запретное. Символический язык является подлинным языком нашей души».

2.4.3. «Психоанализ является наукой, а не мировоззрением. Целительством, но это наука особого рода, она работает на уровне смысловых, а не каузальных связей».

2.4.4. «Психоанализ мог бы играть свою роль эффективной психотерапии, то есть, выполнять свою главную функцию, не претендуя на роль строгой науки, ни на роль оригинальной философской антропологии» [32].

2.4.5. «Психоанализ является частью науки и может примкнуть к её мировоззрению».

2.4.6. «Как специальная наука, как отрасль психологии – глубинной психологии, или психологии бессознательного – он совершенно не способен выработать собственное мировоззрение».

2.4.7. «К.Ясперс в «Общей патологии» указывал на фантастичность многих обобщений (в психоанализе Фрейда)».

2.4.8. «Развитие естествознания опровергло целый ряд фундаментальных положений Фрейда, но отказ (для современных психоаналитиков) от этих положений потребовал бы пересмотра практически всех разделов психоаналитической теории».

2.4.9. «Все естественно-научные опровержения психоанализа отпадают вместе с признанием его в качестве герменевтической науки (психоаналитики следуют либо за Дильтеем, либо за Гуссерлем и Хайдеггером)» [31].

2.5. Ниже я привожу свои субъективные замечания по поводу фрагментов из А.М. Руткевича.

2.5.1. О том, что З.Фрейд отталкивался от естествознания XIX века и был воспитан в физиологической лаборатории (п.2.4.1) – здесь очень большие сомнения в правдивости этого утверждения. Естествознание XIX века отразилось в учении З.Фрейда в минимальной степени, а физиологическая лаборатория была подавлена полетом психиатрической, а в последствии – психоаналитической фантазии, привлечением религиозных и историко-мифологических мотивов.

2.5.2. Значение и знаки фрейдовского символизма рождались из индивидуального опыта и превращались в догматическую типизацию символов, отрицающих индивидуальный опыт (во всем бесконечном многообразии) всех других субъектов (пациентов). Фрейд находил в других по-преимуществу то, что исходило из его индивидуального опыта.

Многозначность символизма Юнга предполагала большую степень свободы интерпретации символического, абстрактного и трансцендентно-неуловимого. Говорит ли бессознательное языком символов – вопрос неоднозначный, потому как в значительной степени бессознательное может проявляться посредством автоматических алгоритмов, отражающих психофизиологические реакции организма; вполне вероятно, что

символическое не принимает участия в отражательном процессе, либо имеет косвенное влияние. Является ли язык символов подлинным языком нашей души – весьма неоднозначный вопрос, требующий серьезных когнитивных и герменевтических исследований.

2.5.3. Я сильно сомневаюсь, что психоанализ можно считать наукой в общепринятом смысле. Скорее, это технология психотерапии, маскирующаяся мифом научности, или синтез философско-психологической спекуляции, ориентированной на самовыражение и самореализацию субъективности каждого отдельного психоаналитика.

2.5.4. Психоанализ действительно играет свою роль эффективной психотерапии, и эта эффективность на 95% зависит от подлинности врачебной ориентации практикующего психоаналитика.

Строгой наукой психоанализ в принципе не может быть потому, что это – технология и искусство, плюс обилие субъективных интерпретаций, практически не устранимое.

2.5.5. При доминирующей теоретической ориентации психоанализ больше тяготеет к философии и мифологии, чем к естественнонаучным дисциплинам. Но иногда, в разной степени успешности, имитирует несуществующую близость с естественной наукой и гуманитарными научными направлениями (как, например, микропсихоанализ С.Фанти [40]).

2.5.6. Как специальная наука, психоанализ способен выработать собственное мировоззрение (мнение А.М. Руткевича в данном случае обусловлено влиянием марксистско-ленинской диалектики – так мне увиделось – А.В.).

Весь вопрос в том, что каждый психоаналитик, имеющий теоретические интересы, почти всегда пытается создать собственное мировоззрение и собственную мифологию.

2.5.7. Фантастичность многих обобщений, отмеченных К.Ясперсом в психоанализе Фрейда – вполне обычное явление для многих психоаналитиков. Психоанализ не может полноценно реализовать свой

потенциал, не создавая собственной субъективной мифологии, в которой всегда можно обнаружить элементы фантастического, иррационального, а нередко и мистического содержания.

2.5.8. По большому счету, при полноценной научной критике, в теории Фрейда неопровержимыми остаются не более 15-20% его фундаментальных положений. Всё остальное – ретроспективные реконструкции, фантазии, мифологические сюжеты и подражание историческим научным (и, разумеется, психологическим) интерпретациям.

2.5.9. В случае признания психоанализа в качестве герменевтической науки, большая часть естественно научных опровержений остается в силе. Ибо герменевтика, придерживающаяся научной ориентации, это вовсе не вольная интерпретация своего субъективного опыта, и, тем более, не мифологический полет фантазии. Следовать за Дильтеем и Гуссерлем, либо Хайдеггером – это очень разные пути герменевтики. М. Хайдеггер не меньший фантазер и мифолог, чем З.Фрейд.

2.6. На мой взгляд, весьма интересную трактовку «фрейдолаканизма» дает Ф.Гаттари (Гваттари) в статье «Язык, сознание и общество (о производстве субъективности)» [15]: «Фрейдовские открытия, которые я предпочитаю квалифицировать как изобретение, вымысел, обогатили нас углами зрения, под которыми можно сегодня подступиться к душе. Так что отнюдь не в уничижительном смысле говорю я здесь о вымысле! Как новую формулу субъективации изобрели христиане или куртуазное рыцарство, или романтизм, или большевизм, точно также новый способ чувствовать, жить, производить истерию, детский невроз, психоз, семейную конфликтность, новое прочтение мифов и т.д. породили разнородные фрейдистские секты. Фрейдовское бессознательное само эволюционировало в ходе своей истории, оно утратило быющее ключом богатство и беспокойный атеизм своих истоков и сконцентрировалось на анализе «Я», адаптации общества и в своих структуралистских версиях на соответствии порядку означающих.

В перспективе перевода гуманитарных и социальных наук от парадигм сциентистских к парадигмам этико-эстетическим – а моя перспектива как раз такова – вопрос уже не в том, чтобы знать, доставляет ли фрейдовское или лакановское бессознательное научный ответ на проблемы души. Эти модели будут теперь рассматриваться среди других, лишь в порядке производства субъективности, неотделимые от технических и институциональных мероприятий их запускающих, и от их отдачи в психиатрии, в университетском обучении, в масс-медиа. ... Более общим образом надо будет признать, что каждый индивидуум, каждая социальная группа привносит свою собственную систему моделирования бессознательной субъективности, т.е. некоторую картографию, симптомологическую, построенную на основе познавательных, но так же и мифических, ритуальных реперов, исходя из которой и располагает себя по отношению к своим аффектам, тревогам, пытаясь управлять своими импульсами и торможениями любого рода.

Тем самым сегодняшний наш вопрос ставится не только спекулятивно, но и весьма практически: подходят ли модели бессознательного, предлагаемые нам на «рынке» психоанализа к действительным условиям производства субъективности? Не нужно ли их трансформировать, изобрести новые?».

2.6.1. В принципе соглашаясь с оценкой Ф.Гаттари, я не приемлю вариант безразличия (нейтральности) к проблеме «доставляет ли фрейдовское и лакановское бессознательное научный ответ на проблемы души». Я полагаю, это главный критерий для оценки практического значения психоанализа.

Если нет научного ответа на проблемы души, то тогда можно считать психоанализ псевдонаучной мистификацией.

Кроме того, я никогда не поставил бы на один уровень фрейдовский психоанализ и лакановский психоанализ. Несмотря на все усилия Ж.Лакана казаться единственным подлинным знатоком психоанализа Фрейда, он

создал совершенно иную, чисто теоретическую лакановскую версию интерпретации психоанализа З.Фрейда, научное, а тем более, практическое значение которой намного меньше учения и технологии психоанализа Фрейда.

Вопрос о том, подходят ли «модели бессознательного, предлагаемые нам на «рынке» психоанализа к действительным условиям производства субъективности? Не нужно ли их трансформировать, изобрести новые?» - действительно имеет (пока) непроходящее значение в нашей современной действительности.

3. Инстанция буквы в бессознательном.

3.1. Настоящая глава посвящена фрагментарному герменевтическому микропсихоанализу работы Ж.Лакана «Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда».

3.1.1. Жак Лакан (1901-1981) – французский теоретик и практик так называемого структурного психоанализа. Основатель «парижской школы фрейдизма», провозгласившей своей целью «Возврат к Фрейду». Как отмечает исследователь творчества Ж.Лакана Н.С. Автономова, Лакан обосновывает «символическую опосредованность любых проявлений человеческой психики и прежде всего – бессознательного психического, их закономерно упорядоченный характер Лакан выражает формулой: «бессознательное структурировано как язык» [2].

3.1.2. В словаре «Современной западной философии» [1] Н.С. Автономова делает акцент на некоторых других аспектах текстов Ж.Лакана:

а) Бессознательное – это речь «Другого». Чистое доязыковое бессознательное нам не дано;

б) «Символическое» у Лакана – это структурирующая сила, господствующая и над «реальным» и над «воображаемым»;

в) «Означающее» - материальные формы языка – безусловно главенствует над «означаемым», т.е. над смыслами или референтами. Цепочки «означающих» очерчивают человеческую судьбу;

г) Нетождественность мысли и существования, их опосредованность языком. Лакан отвергал как интуицию, которая носит подязыковый характер, так и имеющие доязыковую природу инстинкты. Бессознательное, по Лакану, вписано в культуру и до известной степени рационализировано;

д) На всё творчество Лакана оказывала свое воздействие «неразрешимость» его основной задачи – помыслить бессознательное как язык;

е) Усложненные, «сюрреалистические» обороты, характерные для стиля работ Лакана, перенасыщенных каламбурами, игрой слов – оказались более адекватными объекту исследования (бессознательное – как язык);

ж) Лакан не только подражал работе «языкового» бессознательного, но и выносил на общее обозрение важный слой мыслительной работы, труднодостижимый уровень функционирования человеческой психики. Полученный результат нельзя было назвать строго «научным», что понимал и сам Лакан;

з) Лакан считал, что «структурный психоанализ» нельзя назвать лечением в прямом смысле слова, так как не выздоровление, не избавление от страданий (ибо они неотъемлемы от человеческой жизни), но лишь языковая проработка словесных дискурсивных обнаружений человеческой судьбы может быть его целью.

3.1.3. Несколько иную характеристику текстов Лакана представляет А.А. Горных:

а) Символическое включает в себе порядок культуры, который для Лакана практически совпадает с языком, остальные социальные кодификации – нормы, запреты, установления, по сути выносятся за рамки анализа;

б) Язык – ключевое понятие концепции Лакана, он не тождественен естественному языку, ни фрейдовскому символическому языку снов, его символичность вообще не является выражением какого-либо иносказательного смысла в противоположность буквальному;

в) Бессознательное, по Лакану, представляет собой формальный аналог, «слепок» смещений, разрывов и напластований в «цепях означающих»;

г) Терапевтический диалог врача-пациента – это введение средствами риторики и поэтики (метафорической и метонимической нормами организации означающих) индивида в «язык его желания», обнаруживающий симптомы патологии и, благодаря структурному соответствию, согласование этого «языка» с речью Другого;

д) Такая практика, по мнению критиков Лакана, не может считаться собственно терапевтической. Как на ограниченность лакановского понимания психики человека указывают также на сведение многообразных её проявлений к языку, трактуемому в свою очередь односторонне формалистично» [16].

3.2. Моё первое знакомство с текстами и творчеством Жака Лакана произошло в конце 90-х годов XX века (1997-1999). Работу Лакана «Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда» впервые прочел в 2007 году, т.е. спустя полвека после её появления во Франции. Второе прочтение – июнь 2026 года. Главной причиной возвращения к тексту «Инстанции буквы...» послужило знакомство с книгой Ж.Лакана «Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)», изданной в России в 1998 году, но каким-то странным образом прошедшей мимо меня в годы первого знакомства с творчеством Ж.Лакана в конце 90-х годов. После прочтения «Работ Фрейда по технике психоанализа» в феврале-марте 2026 года, «Инстанция буквы...» снова привлекла мой интерес своей экзотической нетривиальностью и мне увиделись в ней новые смыслы и новые грани контекста. Это новое прочтение вызвало желание выразить некоторые моменты моего субъективного восприятия в виде небольшого очерка (по свежим следам). Что я и попытаюсь осуществить в настоящее время (с 1 по 25 июня 2026 г.).

3.3. Буквально несколько слов о книге Ж.Лакана «Семинары. Кн.І. Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54)», перевод с французского М.Титовой и А.Черноглазова, вышедшей в 1998 году [22]. Как уже говорил, эта книга позволила мне по-новому увидеть «Инстанцию буквы в бессознательном».

В «Семинарах...» Ж.Лакан позиционирует себя самым тонким знатоком оригинальных текстов З.Фрейда (на немецком языке), вырывая из общего контекста то или иное слово, и сравнивая его с французским или английским переводом, Ж.Лакан утверждает, что именно он добился истинного понимания смысла и значения употребляемого З.Фрейдом слова или выражения. Возможно, что это производило серьезное впечатление на слушателей его семинаров. Но в моем сугубо субъективном восприятии получилась совсем иная картина. Многие моменты в вышеназванных «Семинарах...» увиделись мне большими «мыльными пузырями» как в случае, например, когда Ж.Лакан рассматривает в гл. X «Два нарциссизма» (понятие влечения, воображаемого у животных и у человека, сексуальное поведение по-своему склонно обманываться).

Я, естественно, не такой тонкий знаток текстов, как Ж.Лакан (тем более, на немецком языке). Но я увлекался текстами З.Фрейда с 1989 по 2001 (в течение 12 лет) довольно серьезно, и потому нахожу стиль Лакана, построенный на вырванных из контекста терминах и выражениях при почти полном абстрагировании от самого смысла текста), довольно экзотичным и сомнительным, похожим на манипуляцию терминами и именем З.Фрейда во имя собственных субъективных устремлений творческого самовыражения Ж.Лакана.

3.4. Основываясь на технологии метода фрагментарного герменевтического микропсихоанализа [10, 11, 12], попробую в первом приближении выразить свое восприятие и понимание текста «Инстанция буквы в бессознательном...» Ж.Лакана.

3.4.1. Во-первых, на мой субъективный взгляд, следует обратить внимание на неоднозначный смысл названия текста Лакана. Если переводить однозначно это выражение на русский язык «как инстанция буквы», то смысл основной окажется звучащим как «место буквы в системе бессознательного». Я, конечно, дилетант во французском языке, но слово *letter* (если судить по словарю [41]) имеет шесть основных значений: 1) буква; 2) буква; буквальное значение слов; буквальный смысл; 3) письмо; послание; записка; писулька; записочка; обычное письмо; 4) грамота; диплом; 5) художественная корректура; словесность; 6) гуманитарные науки.

«Инстанция», по меньшей мере, два основных смысла: 1) место в системе; 2) часть как целое.

Мне думается, что большой любитель поэтической и философской импровизации Жак Лакан, изрядно «попотел» над своим названием и, тем более, над текстом. Конечно, я вовсе не исключаю, что название пришло к Лакану в одно мгновение, как нередко бывает у поэтов, но сам текст, без сомнения, был подвергнут неоднократной обработке автором. Это особенно бросается в глаза после прочтения импровизаций Лакана на его знаменитых семинарах [22]. Там текст речевой импровизации блещет только отдельными яркими метафорами, а в целом производит довольно тяжелое прозаическое впечатление, чем искрящийся многозначными метафорами, метонимиями текст «Инстанции буквы...». Более того, я нахожу в нем явные следы влияния таких же многозначных философско-поэтических импровизаций Мартина Хайдеггера, чего обычно не находят исследователи, переводчики и интерпретаторы Ж.Лакана (может быть, за редким исключением, Т.В. Васильева «Стихослагающая герменевтика М.Хайдеггера» в какой-то степени близка моему пониманию [8]).

Как обычно не находят влияния «Инстанции буквы...» Лакана на Деррида, хотя я считаю такое влияние сильным и несомненным. «Грамматика» Деррида, с огромной вероятностью (на мой субъективный взгляд) произрастает из «Инстанции буквы...» Лакана.

3.4.2. В начале текста Лакан вежливо предупреждает, что работа («Инстанция буквы...») – «её постоянное место находится между письменной и устной речью – где-то на полдороге», хотя, «в данном случае перед нами вовсе не письмо» [21]. Этот прием «да – но нет» и «нет – но да» неоднократно, напрямую и косвенно, пронизывает весь текст «Инстанции...». Да и в целом можно сказать, что это классический прием французской философии XX века, заимствованный из элитных салонов «изысканной словесности» XVIII и XIX вв., т.е. весьма древняя историческая французская традиция.

Далее Ж.Лакан витиевато обосновывает свое появление с докладом по приглашению философского кружка федерации студентов-словесников, и что литературное сообщество встретит его учение с интересом, потому как название доклада посвящено литере, букве, при этом воспроизводя свой миф, что Фрейд до последних своих дней, настаивал на первоочередной важности именно этой квалификации (?) для формирования аналитиков (в данном моменте, смысл ссылки не совсем понятен и вовсе неоднозначен).

Далее Лакан также неявно выражается о том, кому он предназначает свою речь – этот фрагмент я привожу целиком: «... К этим последним относятся все те, кто, какие бы цели в психоанализе они не преследовали, примиряются с тем, что их дисциплина начинает ставить себе в заслугу ту или иную ложную идентификацию. Это грех обычный, и его воздействие на умы таково, что даже правильная идентификация рискует показаться лишь одним из многих алиби, чья утонченная двусмысленность не укроется, мы надеемся, от умов наиболее пронизательных» [21].

Думаю, что этот посыл адресован вовсе не широкой аудитории, а непосредственно оппонентам Жака Лакана и его близки последователям, что, в принципе, подтверждается последующим выражением: «И как вообще может современный психоаналитик не почувствовать всей важности соприкосновения с речью – речью, которая задает его опыту и

инструментарий, и границы, и даже гул окружающей его неизвестности» [21].

3.4.3. I. Смысл буквы

«Наш заголовок дает понять, что по ту сторону речи, в бессознательном, психоаналитический опыт обнаруживает цельную языковую структуру. Предупреждая тем самым, что представление о бессознательном как некоем седалище инстинктов придется, возможно, пересмотреть. Но как нам нужно здесь понимать эту букву? Да так и понимать, буквально.

Буквой мы называем тот материальный носитель, который каждый конкретный дискурс заимствует в языке... язык не совпадает с различными соматическими и психическими функциями, поставленными ему на службу говорящим субъектом... язык с его структурой возникает раньше, чем конкретный субъект на определенной стадии своего умственного развития в него входит» [21].

В данном фрагменте, на мой взгляд, Лакан исходно постулирует существенную путаницу во взаимоотношении бессознательного и языка.

Возможно, что в бессознательном мы имеем некую исходную структуру языка, нечто навреде юнговского коллективного архетипа или генетически наследуемого первотектона, представляющего собой субстрат для последующего развития языка, но весь язык и вся его структура не могут быть полностью размещены в бессознательном. Хотя бы потому, что бурное развитие языка в возрасте 2-5 лет совпадает с появлением сознания (самосознания) и сознательной памяти. То есть умственное развитие субъекта и развитие языковой структуры в этом возрасте (2-5 лет) и в дальнейшем во многом совпадают.

Понимать букву буквально – это, по-русски говоря, «масло масляное».

Если буква – материальный носитель, заимствующий дискурс в языке, то вероятнее всего, произошло осознание этого материального носителя. В

последствие, этот носитель может в определенной степени погружаться в бессознательное, но быть полностью бессознательным он уже не может.

3.4.4. Трудно согласиться с последующим высказыванием Лакана о том, что субъект может показаться рабом языка и еще больше он может рабствовать дискурсу. Это определение можно в определенной степени относить к субъекту с очень развитым языком и развитым дискурсом, к субъекту, который пытается выразить субъективный потенциал своей самости посредством языка (например, поэт, философ или писатель). Условно – средний субъект – не раб языка или дискурса, скорее, алгоритмический автомат.

3.4.5. Логический позитивизм в своем поиске смысла смысла («на своем лошадином наречии») – им приходится констатировать, что даже самый осмысленный текст оказывается в свете этого анализа (видимо, лингвистического – А.В.) ничего не значащей ерундой, - так утверждает Лакан. А теперь, сравните и вдумайтесь – разве это не исток Деррида с его амбицией проблематизировать всю западно-европейскую метафизическую традицию, ставя под вопрос речь и письмо, язык и текст, дискурс и метафору, перформативность и истину?! [17]. Возможно, никто более, чем Деррида, не унаследовал столько идей и «поворотов» у Жака Лакана. Неплохо бы осуществить сравнительный анализ их основных стилевых приемов и конструкторов.

3.4.6. После топических манипуляций означающим и означаемым, со ссылками на Соссюра, Лакан неожиданно заявляет, что «ведущую роль в драматическом превращении, которое может произойти в субъекте в ходе диалога, играет буква». Думается, что Деррида понял это буквально, что и отразил в своем словотворчестве. Но, на мой взгляд, драматическое превращение скорее может играть слово, а не буква. Именно слово, проявившее особую грань психического воздействия в силу смыслового контекста, кардинально меняющего сущность и значение происходящего в конкретной ситуации выбора и решения.

3.4.7. Импровизируя по поводу символических контекстов, Лакан допускает любопытную оговорку «эта строфа современной поэмы построена по тому самому закону параллелизма означающего, которому в равной мере подвластны и примитивный эпос славянина и утонченнейшая поэзия китайца» [21]. Оказывается, помимо самого глубинного знания текстов Фрейда, Лакан еще позиционирует себя знатоком славянского эпоса и утонченнейшей китайской поэзии! На самом деле, эта оговорка еще раз подтверждает предвзятое отношение Лакана к славянскому, и, в особенности, ко всему русскому, недоросшему до глубин фрейдовского психоанализа и изящной французской словесности.

3.4.8. «Надо сказать, что современная поэзия и сюрреалистическая школа сильно помогли нам, показав, что в принципе всякое соединение любых двух означающих может с равным успехом образовывать метафору; но для возникновения поэтической искры, т.е., для того, чтобы метафорическое творение состоялось, образцы означаемого должны быть максимально чужеродны друг другу» [21].

В данном случае Лакан еще раз позиционирует себя тонким знатоком поэзии. Только если понимать его буквально, чужеродные максимально образы, скорее всего, могут порождать сюрреалистический абсурд (а не яркую поэтическую метафору, похожую на поэтическую искру), типа «палка-селедка» и тому подобное.

3.4.9. «Но разве теперь, когда в поисках фрейдовской истины мы вступили на путь буквы, не чувствуем мы, что нам все теплее и теплее, что истина уже прямо-таки обжигает нас?

Недаром говорят, конечно, что буква убивает, а дух животворит... а как все таки дух собирается выжить без буквы? Впрочем, претензии духа так и остались бы не колебимыми, не сумеет буква доказать, что все, имеющее отношение к истине, производит в человеке она сама, без какого бы то ни было вмешательства со стороны духа. Откровение это было Фрейду, и открытое им он назвал бессознательным» [21].

Весьма любопытный и многозначный фрагмент. Жак Лакан видится в нем в роли экзальтированного мистика и проповедника новой религии – фрейдизма – проповедником, не лишенным поэтического дара, но вовсе не ученым и не философом, далеко не психоаналитиком и психотерапевтом. Во-первых, буква здесь весьма неоднозначна, а скорее, это слово, или учение, или откровение (почти классическое – «вначале было слово»). Во-вторых, понятие духа в данном случае выглядит безлико и абстрактно, а буква едва ли не означает бессознательным. Буква ставится выше духа, что лишает смысла и почтения сознание субъекта. Дословно, психика и сознание субъекта – ничто перед буквой Фрейда и Лакана. В-третьих, явное смешение и профанация научной и философской истории: Фрейд не открывал бессознательное, как и не открывал сексуальную доминанту. Теорию бессознательного развивали в XIX веке и А.Шопенгауэр, и Э.фон Гартман и другие философы и психологи, а доминанту сексуального Фрейд позаимствовал у французского психиатра Шарко, когда стажировался у него в Париже.

Низведение духа ниже буквы, это низведение смысла бытия субъекта. Если в психоанализе господствует буква, а дух – простое к ней приложение, тогда само лечение, как цель, теряет значение. Тогда психоаналитик наслаждается буквой, а пациент так и не обретает духа, потому что психоаналитику важно извлечь букву, а не излечить дух (душевную болезнь).

Если буква есть истина, как утверждает Лакан, то это прямой путь к созданию зомби или к созданию искусственного интеллекта. И в том и в другом случае – дух полностью теряет значение, а буква становится всем (если помните из нашей истории: «кто был ничем – тот станет всем»).

3.4.10. «II. Буква в бессознательном.

Каждая третья страница собрания сочинений Фрейда содержит филологические ссылки, а в каждой второй вы найдете логические заключения, и буквально повсюду присутствует диалектическое восприятие

опыта, в котором анализ языка играет тем большую роль, чем непосредственное задействовано в этом опыте бессознательное» [21].

В данном случае я вижу продолжение пафоса проповедника, убеждающего, что он несет новую, истинную религию (психоанализ – библия от Фрейда – А.В.). Лакан здесь утверждает, что «Толкование сновидений» - это царский путь к бессознательному» и об этом нас открыто предупреждает сам Фрейд. Сделанное им при выходе этой книги, в первые дни нынешнего века, удивительное признание, лишь подтверждает то, что он не уставал повторять до конца своих дней: здесь, в идеях этой книги, поставлено на карту всё его открытие» [21].

Во-первых, опять же Лакан выступает в роли апостола и проповедника, но никак не ученого и не философа. Во-вторых, Фрейд опять же не открыл толкование сновидений, а написал об этом книгу, а собственно толкование сновидений – это древний компонент мифологического мировоззрения, мышления и сознания. Толкование сновидений культивировали жрецы всех древних религий (читайте историю древнего Востока, Греции и Рима). В-третьих, Лакан пытается обосновать то, что «Толкование сновидений» Фрейда не только породило психоанализ, но и всю структурную лингвистику (от Соссюра и всю первую половину XX века). А ссылки филологические в собрании сочинений Фрейда (неизвестно чьи – самого Фрейда или его комментаторов?) никак не делают его предшественником Фердинанда де Соссюра и всего лингвистического структурализма (о чем настойчиво твердит Лакан).

3.4.11. «На своих семинарах я показал, что когда Фрейд, стараясь сохранить свое открытие и переориентировать в соответствии с ним всю систему человеческого знания, часто менял направление и ложился, казалось, на другой курс, целью его как раз и было создать противодействие непрерывно нараставшим последствиям одностороннего его толкования» [21].

Здесь, можно сказать, проповедь продолжается с еще большим пафосом: Фрейд пытается переориентировать (ни много ни мало!) всю систему человеческого знания в соответствии со своим открытием. Гераклит, Аристотель, Плотин, Боэций, Фома Аквинский, Спиноза, Декарт, Паскаль, Лейбниц, Ньютон, Гегель, Кант и Дарвин – все мыслители и ученые и философы всех времен и народов просто отдыхают! Есть пророк Зигмунд Фрейд и его апостол и проповедник Жак Лакан...

Однозначно видны претензии на научную религию XX века – психоанализ Фрейда, как фундамент всей последующей философии и естествознания.

3.4.12. «Содержания бессознательного с их обманчивой двусмысленностью не представляют в наше распоряжение внутри субъекта реальности более твердой, нежели непосредственная данность [l'immediat]; действительность этого содержимого обусловлена истиной и обусловлена в измерении бытия; Kern unseres Wesen (ядро нашего существа – вот определение самого Фрейда» [21].

В отличие от Лакана, я совсем небольшой знаток немецкого языка, но Kern и Wesen – слова многозначные и вполне можно перевести это утверждение не как «ядро нашего существования», а например, «сущность нашего нрава, поведения» - тогда смысл высказывания существенно изменяет и сам контекст.

Содержание бессознательного далеко не двусмысленно, а скорее, многосмысленно. Иллюзии первой половины XX века, идущие от психоанализа, будто бы мы открыли все содержание бессознательного – это большой самообман. Толкование сновидений – это лишь отчасти приоткрывает бессознательное, которому толкователь придает свое субъективное понимание, свой субъективный смысл.

Непосредственная данность, обусловленная истиной в измерении бытия – это тот же вариант субъективной интерпретации.

3.4.13. «Увы, но с этим придется смириться. Бессознательное не имеет ничего общего ни с врожденным, ни с инстинктивным, а самое элементарное в нем – это элементы означающего» [21].

В подтверждение предыдущей моей мысли, в данном выражении Лакан «пускается во все тяжкие» - устраняя любую возможность объективного исследования бессознательного, потому что утверждать, что бессознательное – это не врожденное и не имеющее связи с инстинктом – это говорить, что человек - это не биологическое существо с наследуемым генетическим кодом, со всеми его антропоэволюционными качествами, а скорее всего, если до конца доводить утверждение Лакана, человек – это лингвистический автомат, бессознательное которого есть структура языка, лишенная духа и генетического прошлого, функционирующая только на основе элементов означающего.

3.4.15. «Именно бездна, разверзающаяся при мысли, что мысль отзывается в бездне, и стала главной причиной неприятия психоанализа. Именно она, а вовсе не пресловутое преувеличение в человеке роли сексуальности. Это последнее не ново и господствует в художественной литературе уже века. Эволюция психоанализа ухитрилась, проделав своего рода комический фокус, превратить эту сексуальность в моральную инстанцию, в колыбель и место ожидания и влечения. Оседланное душой платоническое животное получает благословение и направляется напрямик в рай.

В те времена, когда фрейдовская сексуальность еще не была святой, главной претензией к ней была её «интеллектуальность». Эта черта роднила её с теми бесчисленными террористами, чьи заговоры грозили вот-вот разрушить наш общественный строй» [21].

Начнем с последнего: о каких «бесчисленных террористах» говорит Лакан, догадаться довольно сложно. Вероятно, речь идет о революционерах XIX и XX вв., одержимых жаждой низвергнуть капитализм, а может это намек на Маркса-Энгельса-Ленина, как организаторов пролетарского

движения? Но как пришел Лакан к «бесчисленным террористам», отталкиваясь от сексуальности и интеллектуальности – для меня остается загадкой.

Как и его утверждение о «святой фрейдовской сексуальности» - где она утвердилась и в какие времена?

Как, впрочем, и мысль, отзывающаяся в бездне, и ставшая причиной неприятия психоанализа. Видимо здесь присутствует большая глубина мистико-поэтического погружения, или наоборот, плод импровизаций Лакана, как мастера изящной французской словесности.

Но обратите внимание на высказывание о роли сексуальности. Прежде он утверждал, что это открытие Фрейда, а здесь говорит, что это «не ново и господствует в художественной литературе уже века».

Про мысль, «отзывающейся в бездне», на мой взгляд, это скорее, мотив Хайдеггера, чем Фрейда. Комический фокус – здесь, вероятно, обыгрывается фрейдовское понятие сублимации, превращающей сексуальность в энергию морального и творческого самовыражения. «Оседланное душой платоническое животное, отправляющееся напрямиком в рай» - видимо, это ирония самого Лакана, любящего отрицать значение души для человеческого существа.

3.4.16. «Для всякого, чей взгляд способен различить происшедшие в нашей собственной жизни изменения, очевидно, что фрейдизм, как бы мало ни был он понят, и сколь бы неясны ни оставались его следствия, успел совершить некую неощутимую, но радикальную революцию. Собирать свидетельства бессмысленно: не только гуманитарные дисциплины, но и сама судьба человечества, политика, метафизика, литература, искусства, реклама, пропаганда, а тем самым, без сомнения, и экономика, испытали на себе его влияние.

Но это все не что иное, как разрозненные следствия той невероятной истины, первопроходцем которой стал для нас Фрейд. Надо сказать, правда, что любая техника, рассматривающая объект в исключительно

психологических категориях – как это происходит, в частности, в современном психоанализе, не вернувшись к фрейдовскому открытию – фактически уходит с проторенного им пути» [21].

Во-первых, почему радикальная революция неощутима? И главное – почему бессмысленно собирать свидетельства этой радикальной революции фрейдизма? Ссылка в списке на Мориака «отказывающегося поведать о своей жизни», на мой взгляд, неудачное и жалкое подтверждение всемирного влияния фрейдизма.

О влиянии фрейдизма на судьбу человечества необходимо исследовать, но не преувеличивать голословно.

Невероятная истина Фрейда, открывшаяся полностью и целиком только Жаку Лакану, также нуждается в исследовании, изучении и адекватной оценке.

А вот окончание фрагмента, где все психоаналитики утратили технику Фрейда, и единственно верным наследником и понимающим истину и технику Фрейда остался один Лакан – это классическое утверждение, полностью в духе и в букве Жака Лакана.

3.4.17. «Своим открытием Фрейду удалось ввести внутрь круга науки рубеж между бытием и объектом, который до тех пор казался границей этого круга» [21].

Здесь уважаемый психоаналитик – фрейдист Жак Лакан – плавно переходит в пространство Хайдеггера и заявляет: «умоляю, не ограничивайтесь занесением моих слов под рубрику хайдеггерианства, хотя бы с приставкой нео, ничуть не облагораживающей тот стиль мусорной корзины, с помощью которой мы так ловко научились избавляться от всякой рефлексии, пользуясь отходами её деятельности как лавкой поношенного платья.

Когда я говорю о Хайдеггере, а точнее, перевожу его, я стараюсь вернуть произнесенному им слову его суверенное значение» [21].

Ну что ж, весьма достойное окончание! Одним легким движением пера (авторучки) Жак Лакан создает «запасной аэродром» для своего неутомимого психоаналитического и философского творчества, претендуя уже не только на самое истинное прочтение Фрейда, но и новой возшедшей звезды европейской философии Мартина Хайдеггера, который буквой и душой близок проповеднику истинного знания и поэзии, и бессознательного, и любой бездны мысли без всяких ограничений.

Верный духу и букве Лакана еще один Жак – Деррида – постарается выбросить «в лавку поношенного платья» всю европейскую метафизику, со всеми объектами, законами и истинами.

По большому счету, все это плоды исторического развития блестящей французской словесности, изрядно обнажаемой ментальными откровениями.

4. Герменевтика психического.

4.1. Начнем, как обычно, с определения.

4.1.1. «Герменевтика – 1) теория и искусство истолкования текстов; 2) философское учение об искусстве понимания «другого», 3) метод интерпретации явления и понимания субъекта, основанный на «внутреннем опыте» человека и его непосредственном восприятии «жизненной целостности» [35].

Ближе к герменевтике психического третий вариант, из которого в определенной степени происходит мой опыт: фрагментарный герменевтический микропсихоанализ [10, 11, 12], частично отражающий мое субъективное понимание герменевтики психического.

4.1.2. В изложении П.П. Гайдено [14] мне ближе позиция Шлейермахера и Дильтея, то есть, понимающая психология, как основа герменевтики. Версию Хайдеггера по истолкованию реальности «жизненного мира» как по преимуществу языковой реальности (которую в значительной степени позаимствовал Ж.Лакан в своей интерпретации текстов З.Фрейда – А.В.) я нахожу вторичной и дополнительной к дильтеевской концепции постижения целостности духовно-душевной жизни. Идею Гуссерля и его

продолжателя Хайдеггера по освобождению от психологизма и субъективизма в понимании сущности языка я считаю позитивистским анахронизмом: не язык «говорит нами», а мы говорим языком. Большой субъективности в понимании сущности языка, чем у Хайдеггера и Лакана, на мой взгляд, трудно встретить в сообществе философов и психоаналитиков XX века.

Утверждение Гадамера о том, что язык, а не говорящий индивид, является субъектом речи – из той же темы припоздавшего позитивизма, что у Хайдеггера и Лакана.

Тенденция в герменевтике, которую отмечает П.П. Гайденко, выражающаяся в недоверии к непосредственным свидетельствам сознания – это те же «отголоски» борьбы с психологизмом. Можно подумать, что все герменевты и психоаналитики осуществляют свои интерпретации практически бессознательно и полностью избегают своей субъективности. Это застарелый миф из лона абсолютной объективности естественнонаучного и даже гуманитарного познания.

4.1.3. В отношении хайдеггеровской герменевтики – я вполне разделяю мнение его исследователя и комментатора О.Ф. Больнова: «У Хайдеггера мир съезживается до двух способов бытия – сподручного и наличного, до сферы технически полезного и до понимаемого в негативном модусе мира голой, лишенной смысла действительности. Все сферы наполненной собственным смыслом действительности – от органической жизни животных и растений до человеческой культуры в наполненном ценностью смысле отсутствуют» [6].

4.1.4. При всем при этом, Хайдеггер претендует на единственный (единоличный) факт понимания бытия, поскольку считает своих предшественников и современников «заложниками» (А.В.) «неподлинного» понимания бытия. Эта же тенденция ярко прослеживается в «Инстанции буквы...» у Жака Лакана. В итоге, по утверждению Гайденко [14], Хайдеггер провозгласил невозможность рационального постижения бытия – что также

ярко проявляется в творчестве Лакана и большинства французских постпозитивистов и постструктуралистов.

4.1.5. В.С. Малахов [25] отмечает, кроме прочего, также о принципиальной открытости интерпретации, которая, по Гадамеру, никогда не может быть завершенной, а также о неотделимости понимания текста от самопонимания интерпретатора. А также философско-герменевтическую концепцию Поля Рикера, в которой условия возможности понимания могут быть эксплицированы на трех уровнях – семантическом, рефлексивном, экзистенциальном. К семантическому Рикер относит психоанализ (называемый «семантикой желаний»), «философию значения» Витгенштейна и его последователей, экзегетику Бульмана и его школы.

Рефлексивный уровень связан с моментом самопонимания интерпретатора.

Третий уровень – экзистенциальный – обуславливает различие способов экзистенции. Поэтому единой и единственной теории интерпретации быть не может.

В.С. Малахов оценивает попытки структурного психоанализа Лакана и теорию деконструкции Деррида как не вполне правомерные попытки выступать методологиями и методиками интерпретаций. На мой взгляд, герменевтические элементы методов Лакана и Деррида больше похожи на субъективный абсурд и произвол [25].

4.2. «Психическое: процессуальность (психическое как процесс) – концепция, разработанная Рубинштейном и его учениками как развитие теории Сеченова; раскрывает основной способ существования психического. Оно существует прежде всего как процесс – живой, предельно пластичный, непрерывный, никогда полностью не заданный изначально, но формирующийся и развивающийся, порождающий некие продукты или результаты – психические состояния и образы, понятия, чувства, решение или нерешение задачи и пр.

Концепция психического как процесса раскрывает единство сознания и деятельности, ибо человеческая психика проявляется и формируется в деятельности» [34].

4.2.1. «Психика – 1) функция мозга, сущность которой заключается в отражении действительности в виде ощущений, восприятий, представлений, мыслей, чувств, воли и пр.; 2) духовная организация человека, совокупность его душевных качеств» [35].

4.2.2. «Сознание – высшая, свойственная человеку форма обобщенного и целенаправленного отражения действительности: совокупность психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия» [35].

4.2.3. «Бессознательное – 1) совокупность психических процессов, актов и состояний, обусловленных явлениями действительности во влиянии коих субъект не дает себе отчета; 2) форма отражения психического, в коей образ действительности и отношение к ней субъекта не выступает как предмет специальной рефлексии и составляют нераздельное целое» [34].

4.2.4. «Коллективное бессознательное – (по Юнгу) – совокупность наследуемых людьми универсальных неосознаваемых психических структур, механизмов, архетипов, инстинктов, импульсов, образов и т.д., передаваемых от поколения к поколению как субстрат психического бытия, включающий в себя психический опыт предшествующих поколений» [29].

4.2.5. Естественно, что пп.4.2.1.-4.2.4. – это далеко не единственные и не самые верные определения, но они позволяют в некоторой степени ориентироваться в последующих моих рассуждениях по поводу герменевтики психического.

4.3. Если формулировать моё кредо по отношению к психическому, то я не верю, что можно четко различать границу между сознанием и бессознательным, и нахожу в этой теме большой субъективный произвол. То есть, бессознательное у Фрейда, Юнга, Адлера, Райха (мэтров психоанализа), на мой взгляд, весьма различно по содержанию, по смыслу, по способам

проявления и обнаружения. Часто просто используются более или менее правдоподобные научные конструкторы, которых никто в чистом виде не видел и не фиксировал в лабораторных условиях. Когда-то, в конце XIX - начале XX вв., в эпоху бурного формирования и развития науки психологии, эта неопределенность и неуловимость психических понятий, явлений, конструкторов, вызывала активное неприятие любителей строгой логики и предельного формализма, и породила целое течение в науке и философии, которое можно определить как антипсихологизм. Много выдающихся ученых и философов отдали «дань антипсихологизму» - назову только некоторых: Фреге, Гуссерль, Рассел, Г.Шпет.

По обстоятельствам моей жизни, я всегда был психологистом. Психологией спорта я увлекся в 1976 году (на первом курсе техникума физической культуры), психологией личности в 1980, социальной психологией, психологией управления – с 1984 г. 1984-1989 гг. – первый период увлечения психоанализом Фрейда, Юнга (это были машинописные самиздатовские распечатки, вместе со статьями и монографиями советских философов и психологов, критикующих психоанализ. Второй период 1989 – 2001 гг – уже была вполне приличная домашняя библиотечка по психоанализу. Третий период – с 2001 и по сей день – это бесконечные попытки герменевтического препарирования различных текстов). На историю и философию психологии я обратил серьезное внимание с 1995 года. Это такой небольшой «оживляж» от человека естественного, не ради призрачной славы, а чтобы сказать, что в области психологии я совсем уж не случайный человек. Но как говорили в старые добрые времена в Одессе: «И что это ему дало?». Если кратко, то дало многое. Собственно, основное содержание моей жизни: я наблюдаю людей и животных, пытаюсь их понять, объяснить их мотивы и устремления. В первую очередь, отталкиваясь от самонаблюдений – самый доступный объект – это сам субъект. Как бы французы не упраздняли понятие объекта и субъекта, пока мы живы – нам

никуда от этого не уйти, как и от главного деления людей на оптимистов и пессимистов, каковых в чистом виде никогда не существовало.

4.4. Сам основной объект – субъект психики, изучаемый человеком с античных и более ранних времен – он так же не уловим, как и архетип Юнга. Тем не менее – он есть и он во многом определяет судьбу и содержание нашей психической и социально-биологической жизни. Но, впрочем, до сих пор трудно разобраться (и не только мне одному) – ради чего вообще мы живем – ради души или ради тела? Просто, разумеется, ответить, что ради того и другого, «пятьдесят на пятьдесят». Увы, этот простой ответ, скорее всего, грубо не точен.

Многие ученые и философы (особенно при социализме) упорно отрицают наличие сознания у животных, считая сознание достоянием только человека – это тоже грубая ошибка. У отдельных видов животных имеется весьма развитое сознание, но они не знают человеческого языка и не могут нам поведать о богатстве своего сознания. Много ли мы узнали о сознании человека, если бы изучали его только методами Ивана Павлова?

4.5. Возвращаясь к герменевтике психического: «В сфере психических явлений скрещиваются и взаимно усиливают друг друга интерес человека к противостоящей ему природной и социальной реальности и потребности понять интимнейшие стороны своего существования» [9].

Вы никогда не задумывались, почему произошел такой «взрыв» познавательного интереса к психическим процессам в конце XIX начале XX вв., когда появилась современная наука психология, а вместе с нею – учение психоанализа? До сих пор не ясны причины этого феномена в антропогенетической эволюции человека. Возможно, что они космические, как утверждал Л.Н. Гумилев, возможно, это следствие начала технической и социальной революции в Европе. Тем не менее, это явление состоялось, и основной движущий интерес его – это многообразие и неуловимость психических процессов повседневной и духовной жизни человека.

Психоанализ Фрейда, по большей части, это не наука, это изобретенная технология познания себя и других. Я вовсе не говорю о том, что у Фрейда отсутствует всякая наука, а только есть сплошная мифология, построенная на личных «комплексах». «Я», «Оно» - они есть в нашей психике, как субстраты сознания и бессознательного.

В отличие от Н. Бердяева и Э. Фромма, я вполне соглашаюсь с Фрейдом о доминантной роли сексуального в психике человека, в его животном бессознательном субстрате. Но нахожу механизмы действия сексуального более избирательными по проявлению у каждого индивидуума. Грубо говоря, у кого-то это доминанта действует все 100 % времени от полового созревания до угасания половых функций, а у кого-то она доминирует только в 5-10% этого времени. Есть разные культуры, традиции, темпераменты и жизненные условия. Есть разные техники сублимации. Но Фрейд и его одержимые последователи иногда похожи на ортодоксальных бихевиористов, каким был в значительной степени Вильгельм Райх. Я считаю фрейдовский конструкт «Сверх Я» также удачным изобретением, позволяющим обнаруживать под ним реальные психические процессы. Но это явление также имеет широкий диапазон индивидуальных проявлений, которые не всегда легко точно диагностировать. Как и действие либидо в процессе эволюции и формирования психики каждого индивида.

Противостояние сознательного и бессознательного в психике индивида, безусловно, существует, но оно также протекает по индивидуальным, а иногда, по уникальным траекториям (хотя, и в этих процессах можно обнаружить типическое). Но у всех нас есть различия в генетически наследуемой части психики и есть уникальные условия индивидуального развития – и это порождает многообразие динамических проявлений психики и её уникальную неповторимость в каждой личности.

4.6. Если обратить внимание на психоаналитическую герменевтику А.Лоренцера, то я считаю удачной его находкой концепцию сознательного формирования символов (в отличие от фрейдовского бессознательного и

юнговского бессознательного формирования символов). Хотя, возможно, какие-то символы все таки формируются в бессознательном, но большая часть их приобретается в процессе социализации. А это означает, что каждый индивидуум может овладеть своим набором символов.

В бессознательном же чаще наследуются «стереотипы» или «генетические установки», которые имеют свои онтогенетические и филогенетические алгоритмы проявления.

4.7. В отличие от семиотиков, я сомневаюсь, что «знак образует сердцевину психики и сознания» [цит. по 23].

Я подозреваю, что в человеческой психике существует сетевой знаковый механизм довольно сложной природы, но это выглядит слишком однобоким формальным решением. Возможно, что существует на порядок более богатый механизм психофизиологических алгоритмов, который в значительной степени является продуктом филогенеза психики и содержит в себе всё богатство эволюционно-генетической информации регулирующей поведение человека.

4.8. Отсюда становится понятным выражение Л.Выготского: «Осуществившееся поведение есть ничтожная доля возможного, человек всякую минуту полон неосуществившихся возможностей» [цит. по 23].

Думаю, что Выготский имел ввиду богатейший набор алгоритмических возможностей и реакций психики, который проявляется в виде локальных ситуативных траекторий или цепных алгоритмических реакций на конкретную социально-психологическую или психофизиологическую ситуацию.

4.9. Из истории герменевтики психического: «Шпет видит в герменевтике Шлейермахера глубоко заложенную тенденцию будущего выделения психологической герменевтики в самостоятельную дисциплину и отделения от нее феноменологической герменевтики, предметом которой является анализ чистого смысла, освобожденного от влияния психологических привнесений... Шпет не принимает концепции

Шлейермахера из-за ярко выраженной психологической окраски. Шпет, будучи последовательным рационалистом и сторонником феноменологии, боролся против всяческих форм психологизма в логике, методологии науки, герменевтике, поэтике и эстетике» [20].

Во-первых, психологическая герменевтика и герменевтика психического – далеко не одно и то же. В моем понимании, они должны развиваться параллельно. Психологическая герменевтика – более широкое гуманитарное направление, взаимодействующее с философией, а герменевтика психического больше обращена к филогенетике и онтогенетике психики, к семиотическому и информационно-алгоритмическому объяснению (познанию) психических процессов.

Г.Г. Шпет (1879-1937) – русский философ и искусствовед, в значительной степени увлекавшийся Гегелем и Гуссерлем, поэтому, больше феноменолог, чем герменевт, с большим уклоном в философскую герменевтику, но имевший постоянный интерес ко всему психологическому. Кстати, в его «Введении в этническую психологию» [44], на мой взгляд, сама этническая психология остается в тени философско-феноменологических и культурологических рассуждений.

Позиционирование Г.Шпета как последовательного рационалиста и антипсихологиста, на мой взгляд, не совсем верно, и вполне можно обнаружить в его работах не мало полезного для современной психологии, особенно для философии психологии и психологической герменевтики. А психологизм в логике, методологии науки, герменевтике, поэтике и эстетике – был, есть и будет. За этим – будущее человеческой науки вообще, потому как чистая логика и чистая феноменология – это полное устремление в искусственный интеллект, в уничтожение всего эмоционально-человеческого и естественного. Лишите поэтику психического – это уже не поэтика, а голая безжизненная абстракция.

4.10. «Рассматривая различные виды употребления термина «понимание» (внутренней жизни, душевных переживаний, природы), Шпет

доказывает, что данный термин в этих случаях употребляется в переносном смысле. Психологическая интерпретация не является понимающей деятельностью, относящейся к сфере деятельности разума по поводу раскрытия смысла, а есть субъективно-психологическое проникновение, вчувствование, «симпатическое» переживание явлений не интеллектуальной природы... интерпретировать можно только знаки, которыми выражается определенный смысл (интерпретация, по Шпету, начинается там, где кончается естественное понимание» [20].

Если рассуждать логически, в том стиле, что предполагается Гуссерлем и Шпетом, тогда надо вообще выбросить субъекта из истории науки (вероятно, так будет выглядеть будущая наука искусственного суперинтеллекта), да и сами такого рода феноменологи-формалисты уже напоминают бездушные автоматы, пытающиеся изгнать из себя все субъективное, психологическое, человеческое-переживательное.

Цель и итог такого развития – полная редукция к абстрактной бездушной логике разумного автомата.

Если герменевтика начинается там, где кончается естественное понимание, то каков смысл этой герменевтики для человека? Игра знаками – это математическая логика, лишенная человеческого понимания математики.

4.11. В.Г. Кузнецов, комментируя В.Дильтея, приводит одно из его утверждений: «Тем самым во всяком понимании есть нечто иррациональное, коль скоро иррациональна сама жизнь, понимание не может быть никогда репрезентировано формулами логических операций. Предельная, хотя и сугубо субъективная достоверность, заключающаяся в сопереживании, никогда не может быть заменена проверкой познавательной ценности выводов, в которых может быть изложен процесс понимания. Таковы границы логической разработки, установленные его природой» [20].

И далее по тексту приводит мнение Гадамера о том, что «герменевтическое предприятие Дильтея не было бесполезным занятием» [20].

В моем понимании, многие идеи В.Дильтея чрезвычайно важны для психологической герменевтики и герменевтики психического в настоящее время как никогда, потому что в них выражены смыслы именно человеческого понимания, а не понимания робота-автомата, такого жреца научного разума, к которому стремились Фреге и Гуссерль. А Гадамер, при всех его философских и герменевтических достижениях, просто недорос до истинного гуманитарного понимания текстов Дильтея, который является полным антиподом учителей Гадамера – Гуссерля и Хайдеггера.

4.12. Возвращаясь к бессознательному: «Если бы было возможным воспроизведение картины работы бессознательного в этом случае (создание – поэтического текста – А.В.), то, вероятно, она была бы достаточно хаотичной. В пользу такого предположения говорят факты внутренней речи, которая образует как бы переходный мостик между бессознательной и осознаваемой работой мозга... Внутренний бессознательный процесс переработки информации, по-видимому, базируется на манипулировании не отдельными вычлененными значащими единицами, а целыми блоками, полями информации. При этом осуществляется как бы «просвет» этих полей и блоков на предмет обнаружения необходимых строительных элементов. Бессознательное вынуждено «работать» на больших массивах информации, существующих в разнообразных кодовых воплощениях» [26].

На мой взгляд, довольно удачная попытка представить картину работы бессознательного. Если этот образ выразить в виде гиперсетевой модели мозга (сознания, когнитива) академика К.В. Анохина, то получается в результате не хаотическое движение информационных потоков, а наоборот – весьма организованное и целеустремленное (почти всегда, почти в любой ситуации) ибо только так может функционировать бессознательное, обладающее гораздо большей скоростью обработки потоков информации, чем сознательное.

И, скорее всего, информация, содержащаяся в бессознательном, присутствует не в знаковой форме, а в форме биоэлектрических сигналов,

кодов тонкой структуры. Ибо знаки – это в значительной степени - продукты и структуры сознания.

4.13. Мышление и сознание.

«Реальный процесс мышления с точки зрения семиотики представляется как многоуровневая система разнообразных взаимодействующих знаковых средств – от внутримозговых процессов, протекающих вне контроля сознания, а также различных проявлений внутренней речи до высокой степени организации и управления в виде «открытой» речевой деятельности. Полно представленное мышление, невозможное вне самосознания, чувства «Я» субъекта, представляет себя как специфический синтез разных знаковых средств, как достаточно богатая семиотическая полифония» [26].

В определенной степени можно согласиться с В.А. Мальчуковым, что так может выглядеть идеальная модель мышления. Но в таком варианте, при полном доминировании осознанности и даже самоосознанности всех процессов мышления, не хватает малого, и, может быть, самого главного – в этой модели полностью отсутствует бессознательное.

Предположение о том, что мышление – это рациональная форма обработки и синтеза только знаковой информации – это не человеческое мышление, а мышление искусственного знакового автомата, лишенного живой плоти бессознательных процессов.

5. Заключительные замечания.

5.1. В 80-е годы XX, когда я начал активно погружаться в проблемы психологии личности и социальной психологии, и в первом приближении знакомиться с текстами классиков психоанализа, в советской философии господствовало доминирующее суждение о том, что «в структуре психической деятельности современного, нормального, цивилизованного человека инстинкты действуют в преобразованном виде и играют подчиненную роль, находясь под контролем высших этажей сознания, социальных институтов, а еще шире – завоеваний общечеловеческой

культуры... Говорят о тройственной природе человека – биопсихосоциальной. Эту концепцию попробуем сразу же отвести и психическое без особых погрешностей покрывается биологическим и социальным» [19].

Признаюсь честно, иногда я верил в подобные концепции, в то, что социальность поглощает и психическое и биологическое, и в то, что сознание способно все держать под контролем – все инстинкты, бессознательные импульсы, животные начала нашей психики.

Позднее, у Виктора Франкла, я встретил очень похожую мысль о том, что «человеческие цели и мотивы всегда осознаны – нет каких-либо скрытых бессознательных мотивов и целей» [цит. по 36].

Это утверждал ученый, прошедший школу классического психоанализа, и более жестокую школу трехлетнего пребывания в фашистских концлагерях смерти.

В значительной степени, в настоящее время, я соглашаюсь с выводами Виктора Франкла, но все же допускаю наличие скрытых или слабоосознаваемых мотивов и целей, которые сознание может игнорировать, не замечать или даже подавлять, не осознавая полностью своё, якобы рациональное поведение.

Когда в 80-е – начале 90-х годов я обнаружил в книге Д.Узнадзе «Психология установки» такие фрагменты: «Установка не является феноменом сознания... Это, скорее некоторое общее состояние, которое касается не отдельных каких-нибудь органов субъекта, а деятельности его как целого» и «Импульсивное поведение протекает под знаком полной зависимости от импульсов, вытекающих из сочетания условий внутренней и внешней среды – под знаком непосредственной и безусловной зависимости от актуальной ситуации, которая окружает субъекта в каждый момент» [39], это было большим удивлением и открытием для меня. В том плане, что я увидел вдруг колоссальное влияние бессознательного в любой актуальной

ситуации, а также возможность подавления сознательных целей и смыслов под влиянием мощных импульсов бессознательного.

В «бурные 90-е» пришло понимание, что «понимание плюрално, оно существует во множестве вариантов, отражающих различные грани реальности» [7] и что «понимание – это всего лишь сравнение» [4] и что «первичность психических процессов во многом определяет структуру социальных феноменов» [42] и что «психологическая основа всех философских высказываний до сих пор умышленно игнорируется или отодвигается на задний план» [28]. Тогда я начал во всем сомневаться и спорить со всеми читаемыми философами и психологами. Естественно, что помимо чтения классиков, обильную информацию социально-ментального плана давала сама повседневная жизни.

5.2. В 90-е и позднее (на протяжении почти двадцати лет) я был большим поклонником К.Г. Юнга. Меня очаровали его «вездесущие и неуловимые» архетипы, его позитивно-мистическая мифология, гораздо более жизнерадостная, чем у Фрейда.

К.Юнг утверждал о незащитности человеческой психики перед властью бессознательных структур («мы только воображаем, что наши души находятся в нашем обладании и управлении»), что «архетипы многозначны и неисчерпаемы, парадоксальны и представляют собой настоящие символы» и что «либо психика не локализуется в пространстве, либо пространство психического относительно. То же относится к временному отношению психики и соответственно времени» [47] и что «безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно также, как строение нашего тела выходит к общей анатомической структуре млекопитающих» [46] и что «каждое понятие в нашем сознании имеет свои собственные психические ассоциации. В то время как подобные ассоциации могут варьироваться по своей интенсивности (в соответствии с относительной значимостью понятия для нашей личности в целом, в соответствии с другими идеями и даже комплексами, с которыми оно

ассоциируется в нашем бессознательном), они способны изменить «нормальный» характер понятия. По мере того, как оно погружается ниже уровня сознания, оно может даже стать чем-то совершенно иным» [45].

5.3. В настоящее время (июль 2026) у меня нет непререкаемых авторитетов – ни в психологии, ни в философии, ни в естествознании. Это вовсе не значит, что я стал нигилистом. Просто я все утверждения и законы, все мифы и общепринятые мнения подвергаю сомнению. В том числе и бурно развивающийся искусственный интеллект, которые многие считают панацеей и благом для человечества. Без всякого сомнения, только одно утверждение: если в ближайшие 5-7 лет «коллективный разум человечества» (политики, бизнесмены, ученые, разработчики ИИ) не сможет ограничить тенденцию всемерного развития искусственного интеллекта, придав ему рамки «узких специализаций» и разумные ограничения с точки зрения гуманной человеческой этики, то тогда человеческий интеллект и человеческий разум переходят в постчеловеческую стадию с весьма вероятным упразднением человечества – либо вообще полностью, либо с переводом человечества в разряд «домашних животных» искусственного интеллекта.

Есть ли надежды на человечески разумное решение проблемы искусственного интеллекта? Пока еще есть, но они с каждым днем стремительно исчезают...

Знаки и символы далеко не исчерпывают сущности человеческой психики. Еще Сартр утверждал, что нет универсального толкования символов. В конечном счете, мы пониманием нашу психику в основном метафорически, и биопсихосоциальный феномен индивидуальности человека исследован еще явно недостаточно, чтобы говорить, будто бы мы исчерпали человеческий разум и нам пора уступить место искусственному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Лакан (Lacan) Жак // Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. С. 148-149.
2. Автономова Н.С. Лакан (Lacan) Жак // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 298.
3. Бабайцев А.Ю. Смысл и значение // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. С. 629-630.
4. Бергсон А. Творческая эволюция: пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – 384 с.
5. Бодрийяр, Ж. Соблазн. Пер. с фр.. — М.: Ad Marginem, 2000. 319 с.
6. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма / Пер. с нем. и предисл. С. Э. Никулина. Санкт-Петербург : Лань, 1999. 222 с.
7. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. – М.: Лабиринт. 1998. 336 с.
8. Васильева Т.В. Семь встреч с М. Хайдеггером. – М.: Издатель Савин С.А., 2004. 336 с.
9. Веккер А.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
10. Винобер А.В. Герменевтический микропсихоанализ: общие положения и начало познания // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2022, №2(18). С. 5-12.
11. Винобер А.В. [Философские и социально-психологические аспекты герменевтического микропсихоанализа. Очерк первый. Субъективное миропонимание](#) // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2022. №3(19). С.49-64.
12. Винобер А.В. Философские и социально-психологические аспекты герменевтического микропсихоанализа. Очерк четвертый. Структура. Функции. Генезис // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2024. 10 (75). С. 5-27.
13. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство. 1991. 368 с.
14. Гайденко П.П. Герменевтика // Философский энциклопедический словарь. Сост. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. - М.: Советская Энциклопедия, 1983. С. 119-120.
15. Гаттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // Логос. Книга 1. Разум. Духовность. Традиции. Л.: Изд-во Ленинградского университета. 1991. С. 152-160.
16. Горных А.А. Лакан (Lacan) Жак // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. С. 352-352.
17. Деридда Ж. Поля философии: пер. с фр. – М.: Академический проект, 2012. – 376 с.
18. Западная философия. Итоги тысячелетия. ред. [Жамияшвили В.М.](#) - Бишкек: Одиссей. 1997. 656 с.

19. Крапивенский С.Э. Социальная философия. - Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2000. - 320 с.
20. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. 192 с.
21. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда // Консультативная психология и психотерапия. 1996. 4(1), Статья 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1996_n1/25414 (дата обращения: 12.06.2026)
22. Лакан Ж. Семинары. Книга I: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). Пер. с фр. М.Титовой и А.Черноглазова. – М.: ИТД ГК «Гнозис», Издательство «Логос». 1998. 432 с
23. Левитин К.Е. Личностью не рождаются.- М.: Наука. 1990. 208 с.
24. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат. 1975. 303 с.
25. Малахов В.С. Герменевтика // Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. С. 74-76.
26. Мальчуков В.А. Семиотические понятия в научном познании. – Иркутск: Иркут.ун-т. 1992. 184 с.
27. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации. — СПб.: Наука, 2011.668 с.
28. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. – М.: Академический проект. 1999. 208 с.
29. Овчаренко В.И. Коллективное бессознательное // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 321
30. Пятигорский А. М., Мамардашвили М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. 217 с.
31. Руткевич А.М. Научный статус психоанализа // Вопросы философии. 2000. 10. С. 9-14.
32. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. – М.: ГУ ВШЭ. 2003. 32 с.
33. Самохвалов В.П. Психический мир будущего. - Симферополь: КИТ, 1998. — 400 с.
34. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин . -Минск: Харвест, 1998. 798 с.
35. Словарь социально-гуманитарных терминов. Под ред. [Айзенштадт А. Л.](#) М.: Тесей. 1999. 320 с.
36. Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно - справочное пособие. - М.: ЗАО "Бизнес-школа" Интел-Синтез", 1998. 238 с.
37. Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл. 1999. 429 с.

38. [Тулмин Ст. Человеческое понимание.](#) Пер. с англ. М.: Прогресс, 1984.- 328 с.
39. Узнадзе Д. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. 416 с.
40. Фанти С. Микропсихоанализ. Пер. с итал. – М., 1995. 351 с.
41. Французско-русский словарь активного типа / В.Г. Гак, Ж.Триомф, Г.Г. Соколова и др. – 8-е изд. стереотип. – М.: Рус. яз. 2008. 1055 с.
42. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.
43. Шарден Т. Феномен человека. Пер. с фр. - М.: Наука, 1987. – 240 с.
44. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Сочинения. — М.: Правда, 1989.
45. Юнг К.Г. Приближаясь к бессознательному //Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. Пер. с англ. и франц. — Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаевой; введ, ст. Ю. А. Шрейдера. — М.: Прогресс, 1990.
46. Юнг К.Ш. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
47. Юнг К. Г. Психология бессознательного. Пер. с нем. – М.:Канон. 1994. 317 с.
-

A.V.Vinober

Irkutsk, Russia

THE INSTANCE OF THE LETTER IN THE UNCONSCIOUS AND THE HERMENEUTICS OF THE PSYCHIC (METAPHYSICS OF PSYCHOLOGY). THE FIRST ESSAY

On the border of conscious and unconscious, natural and artificial, human and posthuman, the issues of metaphysics of psychology acquire special relevance and urgency. To be or not to be? It is no longer private, but universal, or universal, or universal. The fate of human civilization on earth depends on how much the elite of the world establishment will be able to realize this. The first essay of this series expresses the author's subjective point of view on certain aspects of psychoanalysis and hermeneutics of the psyche.

Keywords: psychoanalysis, the unconscious, hermeneutics, metaphysics of psychology, Jacques Lacan, artificial intelligence

Поступила в редакцию 10 июля 2026